

А. З. Бейсенов

ТАСМОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЧАЛА XXI века

Современный этап изучения тасмолинской культуры характеризуется получением новейших данных, в том числе и из ранее неизвестных видов памятников, также реализацией задач, направленных на проведение мультидисциплинарных изысканий. В настоящем сообщении впервые на русском языке публикуется серия радиоуглеродных дат по погребальным памятникам и поселениям тасмолинской культуры, а также по погребениям коргантасского периода. Автор делает оговорку, что все данные, имеющиеся в настоящее время в корпусе источников по тасмоле, находятся в процессе исследований и какие-либо основные выводы будут впереди.

Ключевые слова: Тасмолинская культура, Центральный Казахстан, Коргантасский период, радиоуглеродные анализы, погребение, поселение, периодизация.

Первая в истории изучения тасмолинской культуры серия радиоуглеродных дат была получена в Киевской радиоуглеродной лаборатории Н. Н. Ковалюхом летом 2006 г. Если быть точнее, подписанная его рукой таблица на фирменном бланке лаборатории датирована 15 июня 2006 г. К настоящему времени по памятникам Центрального Казахстана автором получены свыше 70 дат, относящихся к разным памятникам эпох бронзы и раннего железа. Основная масса дат (свыше 60) относится к эпохе раннего железа, включая и курганы с «усаами» (свыше 10 дат). Тема о курганах с «усаами», о 14С и иных датах относительно их настолько специфична, что требует совсем особого и отдельного рассмотрения. Здесь в приведенный перечень включены только те даты из курганов с «усаами», которые получены из западного, содержащего могильную яму, кургана комплекса (тип 2, подробнее см.: Бейсенов 2017а).

© А. З. БЕЙСЕЛОВ, 2018

После получения в Киевской лаборатории первой серии 14С дат, в течении последующих 10—12 лет большое внимание уделялось автором проведению мультидисциплинарных изысканий. Специалистами А. О. Исмагуловой (Алматы) и Е. П. Китовым (Москва) был систематизирован и проанализирован полный объем имеющихся антропологических материалов по тасмолинской культуре и коргантасскому периоду. Источниковую базу этого исследования (Бейсенов, Исмагулова и др. 2015) составили данные около 70 индивидов. Специалисты из Эрмитажа С. В. Хаврин, Р. С. Минасян и Е. А. Шаблавина провели анализы на определение состава тасмолинского металла (бронза) и технологии изготовления группы изделий (Бейсенов, Минасян 2015; Бейсенов, Шаблавина 2015; Бейсенов, Хаврин 2015). Группой специалистов из г. Челябинска, под руководством А. Д. Таирова, выполнено исследование состава тасмолинского золота (Бейсенов, Таиров и др. 2015). С. В. Святко (Белфаст, Великобритания), выполнившая основную массу 14С анализов, провела первое исследование диеты населения тасмолинской культуры. Его результаты позволили сделать вывод об использовании тасмолинцами в пищу проса (Святко, Бейсенов 2017). Первая группа 14С анализов была опубликована на английском языке в США (Beisenov et al. 2016). С участием С. В. Святко и М. А. Кульковой (Санкт-Петербург) были опубликованы также даты отдельных комплексов в изданиях Казахстана и России. С. С. Тур, А. А. Тишкин (Барнаул) и С. В. Святко провели специальное исследование спинного позвонка мужчины, погребенного в кургане 1 могильника Койтас, в котором полностью застрял бронзовый черешковый наконечник раннесакского времени (Tur

et al. 2016). В Тюменском научном центре РАН специалисты Н. Е. Рябогина и А. С. Афонин провели анализ растительных остатков из культурного слоя тасмолинского поселения Абылай, взятых методом флотации. Впервые для тасмолинского памятника были обнаружены зерна проса и ячменя (материал готовится к печати).

Не будет преувеличением сказать, что в мультидисциплинарном подходе к сакским культурам восточного ареала Евразии особое место принадлежит радиоуглеродным датам. Это, в особенности, связано с фактом того, что в исследованиях сакских культур, где нет возможности привлечь материалы и данные античного мира, Северного Кавказа, относительно надежных европейских реперов, 14С данные в большей степени, чем в западной скифологии, позволяют решать и существенно корректировать вопросы датировки комплексов.

В этом отношении показательна замечательная работа большой группы специалистов, где опубликованы даты многочисленных памятни-

ков скифо-сакского времени Евразии (Алексеев и др. 2005), в том числе Саяно-Алтая, Казахстана, Южного Урала. В серии опубликованных дат интересны данные могильника Бешатыр. Интервалы дат Шестого Бешатырского кургана находятся в пределах конца IX — первой половины VI вв. до н. э. Вместе с тем, высока вероятность того, что курган сооружен в период конца IX — первой половины VIII вв. до н. э. (Алексеев и др. 2005, с. 182, рис. 3: 121). Возможно, Шестой Бешатырский — один из самых ранних курганов саков Казахстана.

В настоящем сообщении приведены результаты 47 анализов, выполненных в лабораториях Киева, Белфаста (Великобритания) и Санкт-Петербурга. Из них 41 анализ (табл. 1, 2) выполнен по памятникам тасмолинской культуры (тасмолинская серия) и 6 анализов по памятникам коргантасского периода (табл. 3). В тасмолинской серии 33 даты получены из 31 погребения (табл. 1), 8 дат получены из 6 поселений (табл. 2).

Таблица 1. AMS 14С даты проанализированных образцов из погребений тасмолинской культуры (Центральный Казахстан)

№	Шифр	Погребение	¹⁴ С ВР	Калибровка σ 1 (1 σ, 68,3), Cal BC	Калибровка σ 2, (2 σ, 95,4), Cal BC
1	UBA-23672	Акбеит, к. 1	2583 ± 44	812—754 (0,867); 680—670 (0,059); 608—595 (0,074)	829—735 (0,684); 689—662 (0,074); 648—546 (0,241)
2	UBA-23670	Акбеит, к. 2	2494 ± 30	763—737 (0,169); 688—663 (0,160); 647—548 (0,671)	781—517 (1,000)
3	UBA-28351	Акбеит, к. 7	2584 ± 2	801—777 (1,000)	815—753 (0,958); 681—669 (0,019); 611—593 (0,023)
4	UBA-23666	Бакыбулак, к. 15	2567 ± 30	801—763 (1,000)	807—748 (0,785); 684—667 (0,059); 640—588 (0,125); 580—558 (0,031)
5	UBA-28344	Бакыбулак, к. 14	2505 ± 34	809—783 (1,000)	835—756 (0,989); 679—671 (0,007); 603—599 (0,004)
6	UBA-28366	Бакыбулак, к. 2	2432 ± 28	727—719 (0,043); 704—695 (0,061); 541—414 (0,896)	749—684 (0,211); 667—639 (0,068); 589—577 (0,014); 569—406 (0,707)
7	UBA-25473	Бегазы, к. 7	2559 ± 40	802—751 (0,670); 683—668 (0,105); 636—624 (0,065); 615—591 (0,160)	809—731 (0,530); 691—659 (0,112); 651—543 (0,358)
8	UBA-28345	Бектауата, к. 1	2493 ± 32	763—735 (0,174); 688—663 (0,165); 647—547 (0,660)	787—509 (1,000)
9	UBA-31142	Бирлик, к. 12	2577 ± 30	800—773 (1,000)	811—750 (0,889); 683—668 (0,036); 637—619 (0,021); 616— 590 (0,049); 576—571 (0,006)
10	UBA-28352	Бирлик, к. 15	2545 ± 32	796—751 (0,630); 683—668 (0,123); 636—626 (0,067); 614—591 (0,179)	800—736 (0,495); 688—663 (0,119); 647—547 (0,386)
11	UBA-28353	Бирлик, к. 29	2562 ± 35	752—682 (0,373); 669—633 (0,179); 629—613 (0,064); 592—510 (0,384)	761—428 (1,000)
12	UBA-23674	Карашоқы, к. 1	2515 ± 27	774—748 (0,246); 684—667 (0,165); 641—587 (0,447); 580—559 (0,143)	791—728 (0,282); 713—710 (0,002); 693—658 (0,163); 653—542 (0,553)
13	UBA-23671	Карашоқы, к. 8	2649 ± 31	826—799 (1,000)	894—869 (0,062); 850—790 (0,938)
14	UBA-23668	Карашоқы 6, к. 1	2462 ± 28	750—668 (0,414); 668—637 (0,177); 622—616 (0,024); 591—512 (0,386)	760—677 (0,327); 674—471 (0,619); 466—430 (0,054)
15	UBA-31140	Карашоқы 6, к. 1	2470 ± 49	755—680 0,366; 670—607 (0,297); 596—533 (0,293); 529—518 (0,045)	768—428 (1,000)

№	Шифр	Погребение	¹⁴ C BP	Калибровка σ 1 (1 σ , 68,3), Cal BC	Калибровка σ 2, (2 σ , 95,4), Cal BC
16	UBA-23664	Койтас, к. 1	2506 ± 33	770—744 (0,190); 686—665 (0,159); 644—551 (0,650)	791—556 (1,000)
17	UBA-24918	Комплекс «Курган 37 воинов», к. 11	2451 ± 32	747—685 (0,352); 666—642 (0,132); 586—584 (0,007); 555—474 (0,411); 463—454 (0,038); 445—431 (0,060)	CalBC 755—680 (0,277); 670—608 (0,171); 596—411 (0,552)
18	UBA-24917	Кособа, к. 2	2477 ± 31	754—726 (0,163); 720—703 (0,087); 695—680 (0,085); 670—608 (0,350); 595—541 (0,314)	772—478 (0,986); 461—460 (0,001); 444—431 (0,013)
19	Ki-12991	Кыдырбек, к. 1	2310 ± 60	410—350	550—150
20	UBA-25474	Кызыл, к. 3, левый скелет	2491 ± 33	763—734 (0,176); 689—662 (0,171); 649—546 (0,653)	786—507 (0,991); 500—490 (0,009)
21	UBA-28346	Кызылкой, к. 1	2525 ± 34	788—748 (0,343); 684—667 (0,149); 640—588 (0,393); 579—562 (0,110)	763—735 (0,174); 688—663 (0,165); 647—547 (0,660)
22	UBA-24916	Кызылшилик, к. 2	2421 ± 29	536—412 (1,000)	747—685 (0,161); 666—642 (0,047); 586—584 (0,001); 556—403 (0,791)
23	UBA-28350	Кызылшилик, к. 8	2530 ± 29	791—750 (0,457); 683—668 (0,154); 638—590 (0,389)	796—732 (0,380); 690—661 (0,143); 649—545 (0,477)
24	UBA-28349	Курган Жамантас	2471 ± 32	752—682 (0,393); 669—611 (0,308); 593—538 (0,300)	768—475 (0,965); 464—452 (0,015); 445—431 (0,020)
25	UBA-23665	Назар 2, к. 1	2507 ± 30	770—746 (0,178); 686—665 (0,157); 643—553 (0,665)	788—707 (0,281); 696—540 (0,719)
26	Beta-290784	Назар 2, к. 1	2460 ± 30	(68 % probability); 750—690; 660—640; 590—510	(95 % probability); 720; 700; 540
27	UBA-23669	Назар 2, к. 2	2548 ± 30	756—728 (0,168); 716—708 (0,040); 694—679 (0,083); 671—605 (0,371); 598—542 (0,339)	773—482 (0,996); 440—435 (0,004)
28	UBA-28343	Нуркен 2, к. 1, нижний скелет	2504 ± 27	768—747 (0,167); 685—666 (0,161); 642—555 (0,672)	785—726 (0,230); 721—702 (0,029); 695—540 (0,741)
29	Spb-931	Нуркен 2, к. 2	2235 ± 50	(68,2 % probability); 795—746 (23,6 %); 686—666 (8,7 %); 643—553 (35,8 %)	(95,4 % probability); 806—509 (95,4 %)
30	UBA-23673	Тайсойган, к. 3	2348 ± 29	427—384 (1,000)	509—497 (0,024); 495—377 (0,976)
31	UBA-28347	Тандайлы, к. 2	2468 ± 28	752—682 (0,414); 669—633 (0,207); 629—613 (0,075); 592—536 (0,304)	766—476 (0,972); 463—454 (0,010); 445—431 (0,018)
32	UBA-23667	Талды 2, к. 2	2503 ± 29	768—745 (0,165); 686—665 (0,160); 643—553 (0,675);	784—699 (0,273); 696—540 (0,727);
33	Beta-290785	Талды 2, к. 5	2540 ± 40	(68 % probability); 790—750; 680—670; 610—600	(95 % probability); 800—720; 700—540

Здесь и в табл. 2, 3. Анализы проведены в лабораториях Королевского Университета Белфаста (UBA), Северная Ирландия, Великобритания, исполнитель — С. В. Святко; Университета Майами (Beta), США, при содействии А. Наглера из Германского археологического института (Берлин); Российского государственного педагогического университета им. Герцена (Spb), Санкт-Петербург, РФ, исполнитель — М. А. Кулькова; в Киевской радиоуглеродной лаборатории, исполнитель — Н. Н. Ковалюх, июнь 2006 г. Материал: Бирлик, к. 12; Карашоки 6, к. 1 (UBA-23668) — зуб человека; Нуркен 2, к. 2 — дерево от перекрытия дромоса; все остальные — кость человека.

Приводимая серия из Центрального Казахстана на русском языке публикуется впервые. Все без исключения памятники, данные которых приводятся в таблицах, находятся в восточной части Центрального Казахстана. Основная масса памятников исследована на территории одного административного района — Каркаралинского р-на Карагандинской обл. Остальные расположены на территории соседних с ним районов (Актогайский, Абайский, Баянаульский).

Для детального анализа этих данных требуется обширное и специальное рассмотрение, что невозможно без полной публикации материалов раскопок. Здесь могут быть приведены лишь представления самого общего характера. Тасмолинские курганы сильно ограблены. Учитывается немаловажный для ¹⁴C анализов эффект потревоженных захоронений, который будто бы дает те или иные погрешности. Но представительность серии, т. е., количественный показате-

Таблица 2. AMS 14C даты проанализированных образцов из поселений тасмолинской культуры (Центральный Казахстан)

№	Шифр	Поселение	¹⁴ C BP	Калибровка σ 1 (1 σ, 68,3), Cal BC, * Cal AD	Калибровка σ 2, (2 σ, 95,4), Cal BC, * Cal AD
1	UBA-24075	Тагыбайбулак, жил. 2	2461 ± 30	751—683 (0,399); 668—637 (0,177); 624—615 (0,031); 591—510 (0,392)	759—678 (0,313); 673—429 (0,687);
2	UBA-25472	Сарыбуйрат, р. 2.	2421 ± 30	537—411 (1,000);	747—685 (0,166); 666—641 (0,050); 587—580 (0,005); 558—403 (0,780)
3	Ki-12994	Едирей 1	1690 ± 70	* 250—430 Cal AD	* 210—540 Cal AD
4	Ki-12995	Едирей 2	2510 ± 60	720—520	800—480
5	Ki-12993	Едирей 3, р. 1	2110 ± 70	210—40	* 360—30 Cal AD
6	Ki-12999	Едирей 3, р. 1	2710 ± 70	920—800	1020—760
7	Ki-12998	Сенкибай, ш. 1	3010 ± 70	1320—1120	1420—1020
8	Ki-13000	Сенкибай, ш. 2	2480 ± 50	770—510	790—410

Примечание. Материал — кости животных.

Таблица 3. AMS 14C даты проанализированных образцов из погребений коргантаского периода (Центральный Казахстан)

№	Шифр	Погребение	¹⁴ C BP	Калибровка σ 1 (1 σ, 68,3), Cal BC, * Cal AD	Калибровка σ 2, (2 σ, 95,4), Cal BC, * Cal AD
1	UBA-23678	Бидаик, к. 1	2269 ± 35	395—357 (0,573); 284—254 (0,315); 247—235 (0,112)	400—349 (0,459); 313—209 (0,541)
2	UBA-23679	Бидаик, к. 3	2137±27	327—329 (0,056); 204—150 (0,697); 139—112 (0,247)	351—301 (0,155); 226—205 (0,001); 210—88 (0,812); 77—57 (0,032)
3	UBA-23680	Бирлик, к. 2	2245 ± 27	380—354 (0,307); 290—232 (0,693)	390—348 (0,293); 317—207 (0,707)
4	UBA-23681	Бирлик, к. 19	2216 ± 27	359—349 (0,099); 312—273 (0,380); 261—209 (0,521)	367—203 (1,000)
5	Spb-1233	Серекты 1, к. 14	2055 ± 50	(68,2 % probability); 158—154 (10,3 %); 116 BC — * 1 Cal AD (57,9)	(95,4 % probability); 196 BC — * 53 Cal AD (95,4)
6	Spb-1440	Серекты 1, к. 15	2064 ± 55	(68,2 % probability); 164—128 (15,5 %); 122—21 (48,8 %); 11—2 (3,9 %)	(95,4 % probability); 336—330 (0,5 %); 204 BC — * 60 Cal AD (94,9 %)

Примечание. Материал — кости человека.

тель, в какой-то степени смягчает остроту этого момента. В предлагаемом сообщении рассмотреть многие вопросы не удастся, но, как полагают автор, сама публикация имеющихся углеродных данных по тасмолинской культуре может быть полезной для скифологов Украины.

Если учесть все интервалы дат по Сигма 1 (σ 1) и Сигма 2 (σ 2), то можно заметить следующие моменты в общей хронологии объектов.

Имеются 33 результата, полученных из 31 кургана. Из них в условной группе 1 находятся 31 дата из 29 курганов. Нижняя граница калибровочных значений этих курганов лежит в пределах конца IX — VIII вв. до н. э., а верхняя граница доходит до середины — второй половины V в. до н. э. В том числе внутри этой же группы можно заметить, что верхняя граница 20 дат (19 курганов) не выходит

за пределы середины и второй половины VI в. до н. э. (группа 1а). Соответственно, остальные 11 дат из 10 курганов составляют группу 1б, их калибровочные значения доходят до середины — второй половины V в. до н. э.

Из всех 33 дат всего 2 (группа 2) показали интервалы в пределах второй половины VI — II вв. до н. э. В ограбленном кургане 1 могильника Кыдырбек (табл. 1, № 19), диаметром 7 м и высотой 0,45 м, в грунтовой яме, ориентированной по линии ЗЮЗ—ВСВ, найдены берцовые кости человека и небольшой плоский каменный жертвенник. В рамках указанного интервала памятник может быть датирован периодом не ранее второй половины VI в. до н. э. В кургане 3 могильника Тайсойган (диаметр 7 м, высота 0,35 м), в ограбленной грунтовой

яме (ориентировка З—В), находились разбросанные кости человека, инвентарь — небольшой бронзовый нож с кольцевым навершием и плоский каменный жертвенник. Полученная дата (№ 30) указывает на период V—IV вв. до н. э.

Таким образом, по верхней границе Группа 1 не выходит за пределы V в. до н. э., лишь 2 даты из 2 курганов (группа 2) выходят за эту черту. Нижняя граница группы 1 охватывает период конца IX — VIII вв. до н. э., а группы 2 — не выходят за пределы второй половины VI — начала V вв. до н. э. Впрочем, оба этих кургана группы 2, имеющие схожий погребальный обряд, параметры, могут быть датированы в рамках V—IV вв. до н. э. (см. № 30).

Вышеуказанное позволяет сделать следующие формальные умозаключения. Интервалы значений двух групп связаны с общей датой тасмолинской культуры, которая по углеродным анализам (изученной серии курганов) укладывается в период конца IX — V вв. до н. э. Этот интервал может быть принят как формальная дата культуры.

Для определения более или менее относительно реальной даты, разумеется, необходимо значительное усилие. Должна уточняться нижняя граница культуры, которая определено может сузиться. Относительно курганов IV в. до н. э., вопрос остается открытым, хотя шансы заполнить этот век каким-либо значительным числом конкретных памятников, по-видимому, невелики. По верхней же дате, в самой группе 1 основная масса (20 из 31 дат) данных углеродного анализа не выходит за пределы середины — второй половины VI в. до н. э., т. е. времени завершения раннесакской эпохи.

В целом, явно наблюдается тенденция уменьшения числа памятников к позднему этапу культуры. К позднему этапу меняются также параметры, конструктивные и архитектурные особенности в оформлении курганов. Оба указанные курганы группы 2 представлены небольшими и простыми насыпями. С одной стороны, все исследования последних 15 лет были ориентированы на относительно средние и крупные насыпи диаметром свыше 15—20 м. Небольшие насыпи массово не копались. Но вряд ли это положение снимает вопрос о явном уменьшении числа более поздних курганов. По яркости всего облика памятников, по инвентарю, тасмолинская культура в большем смысле слова является культурой раннесакского времени.

Целый ряд курганов показал очень раннюю дату. Особое положение занимает могильник Бақыбулак, откуда происходят всего три даты: курганы 2, 14, 15. В цепочке насыпей (Бейсенов 2017б, рис. 9) тасмолинские курганы занимают северную половину, южнее кургана 8 расположены насыпи более поздних периодов, а также курганы эпохи бронзы. Нумерация объектов произведена с юга на север, таким образом, кур-

ганы 8—15 относятся к тасмолинскому времени. Особняком стоит курган 2. В южной оконечности цепочки, в ящике кургана 2 эпохи бронзы был вскрыт неполный скелет человека, могила потревожена. Углеродный анализ показал принадлежность погребения к тасмолинскому времени. По 14С (№ 6) имеется общий интервал в пределах VIII—V вв. до н. э., но наибольшие калибровочные значения падают на конец VI — V вв. до н. э. Впускной характер погребения усиливает вероятность отнесения его к позднему этапу — для ранней тасмолы это не характерно. Это позднее погребение тасмолы, впущенное в ящик эпохи бронзы.

Дата курганов 14 и 15 в северной оконечности цепочки (№ 4, 5) по о 1 полностью лежит в рамках конца IX — VIII в. до н. э., наибольшие значения калибровки (0,785 и 0,989) по о 2 также указывают на этот период.

Среди инвентаря тасмолинских курганов Бақыбулака раннюю дату памятников могут подтвердить 42 бронзовых наконечника стрелы (рис. 1: 1—42) в кургане 9, а также предметы конской узды из жертвенников 4 и 5 (Бейсенов, Джумабекова и др. 2017, рис. 4). Бақыбулакские стрелы, имеющие в своем составе экземпляры так называемого жаботинского типа (Рябова 2014; Дараган 2015), датируются временем не позже VIII в. до н. э. Ближайшей аналогией наконечников из кургана 9 являются стрелы из колчана в кургане 5ж тасмолинского могильника Карамурун 1 (Кадырбаев 1966а, рис. 58).

Е. А. Шаблавиной, на основании трасологического анализа, было сделано заключение, согласно которому предметы из жертвенников Бақыбулака выполнены ранним, аржано-черногородским, методом литья (Бейсенов, Шаблавина 2015). С. В. Хаврин, изучив состав свыше 50 бронзовых изделий тасмолинской культуры, выделил небольшую группу мышьяковистых бронз. Среди них оказались и эти же предметы из жертвенников Бақыбулака (Бейсенов, Хаврин 2015). Из других находок, из курганов Бақыбулака происходят каменный жертвенник, фрагменты золотых серег, бронзовое зеркало (рис. 1: 48, 49, 51; 2: 1). По-видимому, дате Бақыбулака близка хронологическая позиция кургана 2 могильника Тандайлы 2, где найдены 3 бронзовых наконечника стрел: 2 втульчатых двуперых, в том числе 1 с шипом, и 1 черешковый трехперый (рис. 1: 43—45).

Раннюю дату, близкую Бақыбулаку, дают курганы могильника Акбеит (№ 1—3), курганы 12 и 15 могильника Бирлик (№ 9, 10), курганы 1, 8 могильника Карашоқы (№ 12, 13).

По калибровочным значениям о 1 и о 2, следующий целый ряд курганов как будто занимают по отношению к указанным памятникам более позднюю шкалу — VII—VI вв. до н. э. Это курганы Бектауата (рис. 1: 50), Жамантас (рис. 2: 2), Кособа (рис. 1: 47; 2: 12), Кызыл (рис. 2: 3), Кызылкой, Кызылшилик, Назар 2

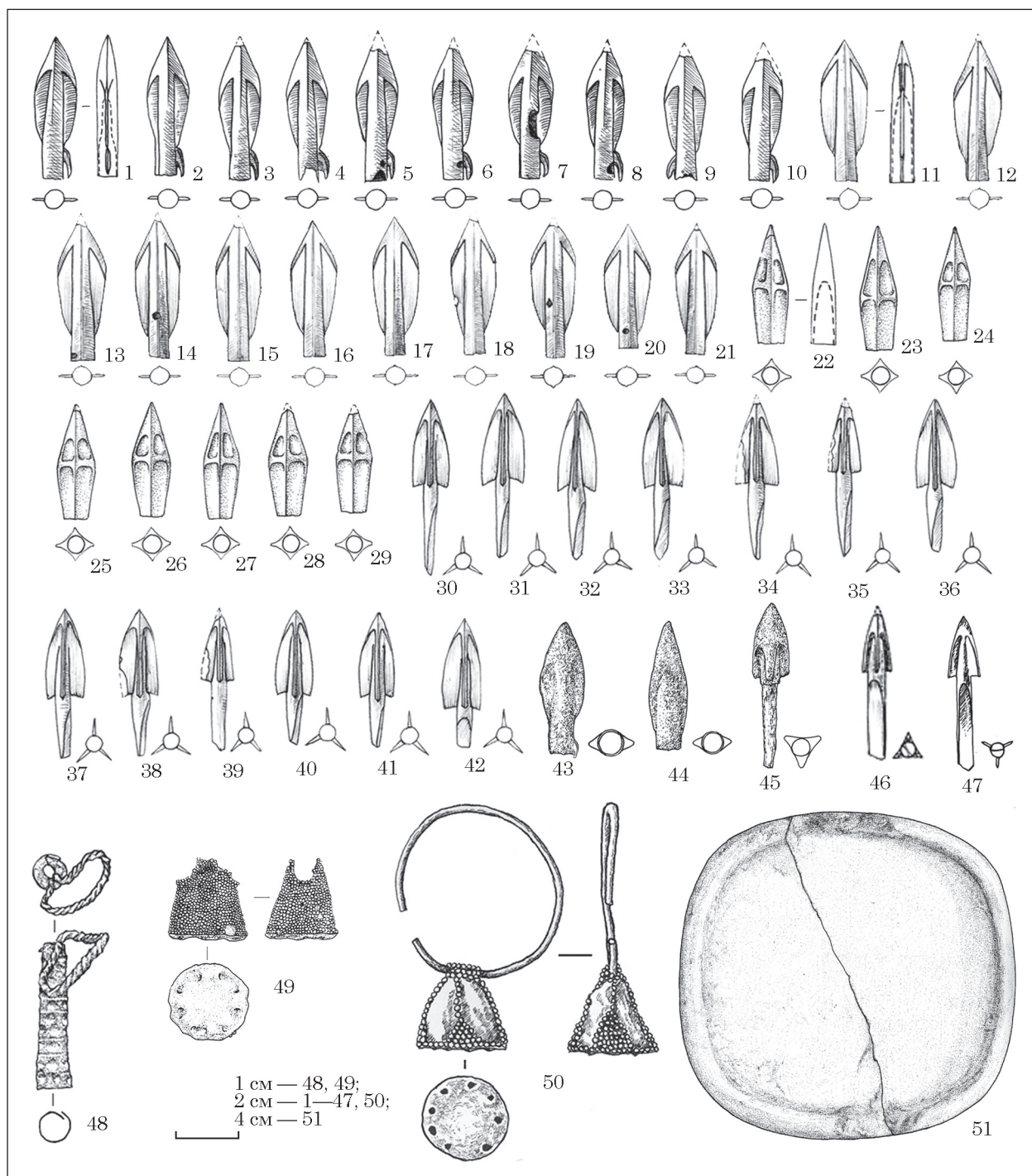

Рис. 1. Предметы из курганов тасмолинской культуры: *наконечники стрел*: 1—42 — к. 9 мог. Бақыбулак; 43—45 — к. 2 мог. Тандайлы 2; 46 — к. 2 мог. Назар 2; 47 — к. 2 мог. Кособа; *серьги*: 48 — фрагмент из к. 10 мог. Бақыбулак; 49 — фрагмент из к. 15 мог. Бақыбулак; 50 — к. 1 мог. Бектауата; 51 — *жертвенник* из к. 15 могильника Бақыбулак (48—50 — золото, 51 — камень, остальное — бронза)

(рис. 1: 46), Нуркен 2, Талды 2 (рис. 2: 6, 10) и др. Надо отметить, это в целом неплохо коррелируется и находками вещей в этих курганах. Курганов этого ряда больше, чем первых, что, в целом, не противоречит логике.

Основная масса курганов сильно ограблена, в них мало датирующих предметов, что создает проблему в более или менее полной корректировке дат памятников. Особенно это характерно для ранней группы. Курганы 1 и 8 могильника

Карашоки по углеродному анализу явно очень ранние. Дата их совпадает с датой Бақыбулака. Если дата последнего корректируется находками предметов вооружения, а также конской узды, выполненной редким для Центрального Казахстана аржано-черногоровским методом, из мышьяковистой бронзы, также не характерной для тасмолинского металла VII—VI вв. до н. э. (оловянистая бронза), то, этого нельзя сказать по отношению памятников Карашоки.

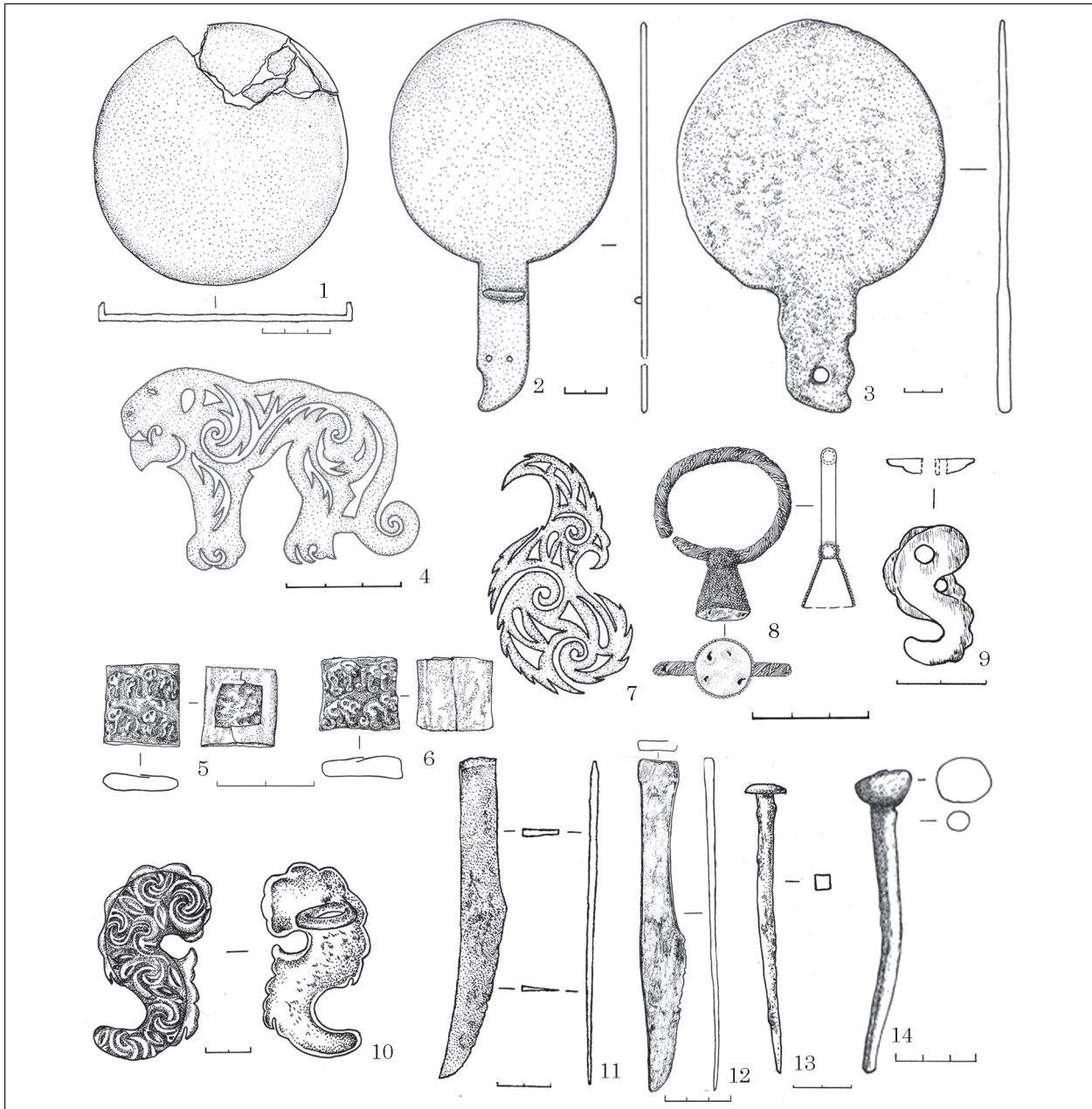

Рис. 2. Предметы из курганов тасмолинской культуры: зеркала: 1 — к. 8 мог. Бакыбулак; 2 — к. Жамантас; 3 — к. 3 мог. Кызыл; украшения: 4 — к. 1 мог. Карашоки; 5, 6 — портупейные обоймы из к. 1 мог. Акбеит и к. 5 мог. Талды 2; 7 — к. 1 мог. Шерубай; 8 — серьга из к. 8 мог. Карашоки; 9 — застежка из к. 9 мог. Карашоки; 10 — застежка из к. 5 мог. Талды 2; другие предметы: 11, 12 — ножи из к. 2 мог. Кособа и к. 3 мог. Едирей 3; 13, 14 — пробойники из к. 1 мог. Карашоки и к. 4 мог. Акбеит 2 (4—8, 10 — золото, 9 — кость, остальное — бронза)

Выполненные из золота ажурное украшение в виде тигра, по стилю исполнения близки к которому украшения из кургана 1 могильника Шерубай (рис. 2: 4, 7), а также уникальная массивная золотая серьга (рис. 2: 8) не дают точной даты. Мало того, такие завершённые, колоритные формы изделий как будто удерживают исследователя от ранней даты, или же это происходит в силу неподготовленности относить такого рода находки к ранним периодам.

Исследованные курганы не только по углеродным датам, но и по обряду и инвентарю связаны между собой. Во многих случаях обнаружены типологически очень близкие предметы.

В их числе — золотые конические серьги, являющиеся одной из устойчивых категорий тасмолинской культуры (Бейсенов 2014), зеркала не только с петелькой на обороте, но и тип с боковой прямой ручкой, гладкой или с фигурным очертанием краев. Указанные ажурные украшения из Карашоки и Шерубая будто бы указывают на некоторые особенности сложения пазырыкского стиля. Костяная застежка из Карашоки типологически близка к золотой застежке колчана из более позднего кургана 5 могильника Талды 2 (рис. 2: 9, 10). Очень близки по стилю выполнения золотые портупейные обоймы с четырьмя кошачьими хищниками из Акбеит, к. 1 и Тал-

Рис. 3. Жилище на поселении Тагыбайбулак (фото)

ды 2, к. 5 (рис. 2: 5, 6), близки бронзовые ножи из Кособы и Едирей 3 (рис. 2: 11, 12), пробойники из Карашоки и Акбеит (рис. 2: 13, 14).

Рассмотренные углеродные даты в целом вполне сопоставимы с археологическими материалами. Намечаемые сейчас реальные результаты корреляции двух методов датирования, надо полагать, в будущем примут более точные очертания. Особенно это касается вопросов «внутренних» датировок, периодизации культуры. Общая хронология культуры кажется более ясной. Согласно имеющимся в настоящее время данным, тасмолинская культура, по всей видимости, сложилась в период не позже середины VIII в. до н. э.

Как свидетельствует А. С. Ермолаева, первооткрыватель тасмолы М. К. Кадырбаев в 1982 г., незадолго до своей смерти, говорил о своих планах передатировать культуру, удревнив ее нижнюю границу (Ермолаева 2015, с. 121, прим. 1). Вместе с тем, судя по публикации М. К. Кадырбаева 1966 г., он это решение вынашивал по меньшей мере с середины 1960-х гг., видимо, еще с момента работы над материалом. Он в небольшой публикации, посвященной рецензии книги С. С. Черникова, уже тогда отмечал, что «середина VIII в. до н. э. была временем сложения раннесакской культуры», ссылаясь на памятники типа Карамурун 1, к. 5ж, Уйгарак и др. (Кадырбаев 1966b, с. 81). По мнению ученого, принять это положение мешает «нерешительность» исследователей. Среди немногочисленных исследователей, заметивших данное высказывание М. К. Кадырбаева и ссылающихся на его мнение, следует отметить И. В. Бруяко (Бруяко 2005, с. 120). Но вот своеобразный парадокс в том, что в этом же 1966 г. выходит монографическая работа М. К. Кадырбаева, где автор начало тасмолы датирует не серединой VIII в. до н. э., в чем он, кажется, был вовсе уве-

рен, а VII в. до н. э. Это были последствия ряда обсуждений всесоюзного уровня, согласований с коллегами из центральных учреждений.

Даты из поселений (табл. 2) тасмолинской культуры в целом не противоречат курганным данным. В настоящее время известны в восточных районах Центрального Казахстана свыше 50 небольших поселений (рис. 3), свыше 10 из них изучены раскопками. Ранее, по керамическим комплексам, эти поселения были датированы в рамках VII—V вв. до н. э. Полученные углеродные данные нижнюю дату поселений позволяют гипотетически определить с VIII в. до н. э. Показательны в этом отношении данные лаборатории Великобритании, полученные из поселений Тагыбайбулак и Сарыбуйрат (№ 1 и 2). Здесь калибровочные значения по $\sigma 1$ и $\sigma 2$ совпадают с данными по курганам — VIII—V вв. до н. э. В ряде поселений получены даты, относящиеся как к переходному этапу от эпохи бронзы к раннему железному веку, так и коргантасскому времени (IV—II вв. до н. э.) и гуинской эпохе (начало—середина I тыс. до н. э.). Это вполне объяснимо. На поселение легко могут попасть кости из его ближайшего окружения, например, из слоя более древнего поселения. На заброшенных поселениях могут пребывать и более поздние группы кочевников. В трех случаях (поселения Кызылсуир 2, Шидертинское 2, Абылай) во время раскопок обнаружены погребения коргантасского периода, совершенные в развалах сооружений сакского времени. Это, в свою очередь, может дополнительно конкретизировать верхнюю границу существования сакских поселений. По-видимому, к IV в. до н. э., ко времени появления нового населения (коргантас), тасмолинские поселения уже были заброшены.

Пробы, взятые на поселениях Тагыбайбулак, Сарыбуйрат и из шурфа 2 поселения Сенкибай однозначно датируют памятники указанным

выше периодом. О поселении Едирей 2 нужно сказать особо. Его материалы показали принадлежность памятника к донгальско-раннесакскому периоду (Бейсенов, Ломан 2009). Нижняя граница углеродной даты (№ 4) лежит в VIII в. до н. э., что в целом согласуется с ранее сделанными предположениями. Возможно, самые ранние поселения тасмолы будут связаны с поздним этапом донгала. Это актуальный вопрос, так как генетическая связь керамики тасмолинских поселений с керамическим комплексом донгальского периода уже отмечена (Бейсенов, Шульга, Ломан 2017). Поселения сакского времени — тема специфическая. Основу и причину этой специфичности образует чрезвычайно малоисследованность этого вида памятников на территории Казахстана, вплоть до игнорирования их. Между тем, в поселениях сокрыт огромный научный потенциал для сакской проблематики. Малоизученные поселения тасмолинской культуры, открытые на востоке Центрального Казахстана, автор трактует как поселения-зимники (Бейсенов 2017b; Бейсенов, Шульга, Ломан 2017).

Коргантасские погребения (IV—II вв. до н. э.) на востоке Центрального Казахстана открыты в небольшом количестве, всего их свыше 40. Как отмечалось ранее, основными новыми чертами обряда являются два признака: восточная ориентировка умерших (В, СВ), устройство за изголовьем умершего особого жертвенника для помещения голов и ног домашних животных. Эти особенности не могут быть связаны с тасмолинской культурой, а равно и другими сакскими культурами Казахстана. Ряд других деталей в обряде, вместе с тем, могут быть трактованы как сакские. Это положение каменного жертвенника в насыпи или же в могиле, наличие у конского черепа деталей узды, основная масса предметов инвентаря также связана с казахстанско-алтайским ареалом.

Углеродные даты (табл. 3) не отрицают археологическую дату памятников. Данные антропологии (А. О. Исмагулова, Е. П. Китов) показали метисный, смешанный облик населения. Коргантасские погребения связываются с восточными районами Центральной Азии, — Ордосом, Байкальским регионом. В Центральный Казахстан эта группа населения могла прибыть через Алтай, где эти погребения отмечены и в более ранний период, в конце VI—V вв. до н. э. В вопросе происхождения коргантасской традиции наиболее оптимальным является точка зрения видного сибирского исследователя П. И. Шульги, связавшего ее с «Восточной историко-культурной областью», где обычай устройства головных жертвенников уходит в глубокую древность (см.: Бейсенов 2017с).

Для столь немногочисленной серии раскопанных памятников коргантасского времени период IV—II вв. до н. э. является широкой датой. Одним из важных моментов является то,

что нижняя граница коргантасских памятников объективно поддерживают верхнюю границу в хронологии тасмолинской культуры. И по материалам археологии, и по данным углеродных анализов, смена культуры в Центральном Казахстане, по крайней мере в его восточных районах, происходит к IV в. до н. э. Немногочисленные группы поздних тасмолинцев, вероятно, вошли в состав нового населения.

В последние годы на юго-восточной периферии Центрального Казахстана открыты немногочисленные памятники, датирующиеся позднесакским временем, не имеющие отношения к коргантасским погребениям. Обряд их также несколько отличен от тасмолы. Эти курганные захоронения условно названы «памятниками карамолинского типа». Помимо одноименного могильника, в эту группу, видимо, входят и курганы, изученные в группах могильников Тасарал (Бейсенов, Исмагулова и др. 2015, с. 23, 25).

Углеродные даты, вместе с археологическими материалами, позволяют считать началом существования тасмолинской культуры, сложившейся в степях Казахского мелкосопочника, временную черту не позже середины VIII в. до н. э. Специалисты рассматривают хронологию Скифии в рамках трех основных этапов: ранне-, средне- и позднескифский (см., в частности: Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989; Алексеев 2003; Скорый 2003; Гречко 2016). В тасмолинской культуре позднего этапа не наблюдается, V в. до н. э., по-видимому, является временем завершения основной линии динамики культуры. В тасмолинской хронологии много вопросов будет связано с поздними ее этапами. Данная особенность напрямую связана с таким отдельным положением, как особенности развития тасмолинской культуры в аридных условиях Казахского мелкосопочника. Степные скотоводы тасмолинцы в своем ближайшем окружении не имели районов с оседлым населением. Необходимость особой адаптации к природной нише, в том числе в условиях холодной, снежной и ветреной, зимы, вероятно, изначально была присуща образу жизни этого народа. Много таит в себе тип жилищ с мощным каменным основанием, открытый на поселениях-зимовках, укрытых в склонах каменистых возвышений.

За нашим кратким обзором, посвященным рассмотрению новых углеродных дат по Центральному Казахстану, остались очень многие вопросы, в том числе важные данные погребального обряда тасмолинской культуры. Они основываются на материалах свыше 210 курганов и способствуют, наряду с предметными комплексами, уточнению вопросов датировки. Особняком в том числе стоит проблема дромосных курганов тасмолинской культуры, абсолютно неизвестных в ранних материалах, поэтому, не попавших в поле зрения специалистов по скифо-сакской эпохе. Открытие к настоящему времени свыше 30 дромосных могил тасмолинской культуры, поя-

вившихся еще на самом раннем, начальном, ее этапе, могут быть сравнены со скифскими дромосными погребениями Днепровской лесостепи (Гладковщина, Медвин, Яснозорье, Репяховатая могила, Перещепино и др.), Среднего Дона (Мастюгино, Дуровка, Старожитное, Колбино 1), не говоря об аналогичной особенности памятников сакского типа района реки Илек (Елек) на западе Казахстана, устойчиво и надолго названных в литературе савроматскими.

Украинская скифология, в лице школы А. И. Тереножкина, одного из крупнейших исследователей XX в., имеет блестящие и общепризнанные достижения мирового уровня. Помимо накопленного к сегодняшнему дню колоссального объема археологических источников по скифской культуре, по части самой методики раскопок и изучения крупных земляных курганов, исследования городищ, работы украинских скифологов остаются примером и образцом для археологов многих регионов необъятной Степной Евразии, в том числе и Казахстана. Всё сказанное напрямую касается и творчества замечательной исследовательницы, участницы многочисленных экспедиций, автора многочисленных трудов, книг и статей, выдающегося скифолога Светланы Сергеевны Бессоновой, чей прекрасный юбилей сегодня отмечают ее друзья и коллеги.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV вв. до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Алексеев, А. Ю., Боковенко, Н. А., Васильев, С. С., Дергачев, В. А., Зайцева, Г. И., Ковалюх, Н. Н., Кук, Г., ван дер Плихт, Й., Поснерт, Г., Семенцов, А. А., Скотт, Е. М., Чугунов, К. В. 2005. *Евразия в скифскую эпоху: археологическая и радиоуглеродная хронология.* Санкт-Петербург: Теза.
- Бейсенов, А. З. 2014. Серьги сакской эпохи. *Вестник ТомГУ*, 6 (32), с. 121-128.
- Бейсенов, А. З. 2017а. Курганы с «усами» Центрального Казахстана. В: Бейсенов, А. З., Ломан, В. Г. (ред.). *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник статей, посвященный 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции.* Алматы: НИЦ истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2, с. 31-37.
- Бейсенов, А. З. 2017б. Тасмолинская культура Сарыарки. *Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография.* Алматы: Институт археологии, с. 59-100.
- Бейсенов, А. З. 2017с. Коргантасские погребения в Центральном Казахстане. В: Базаров, Б. В., Крадин, Н. Н. (ред.). *Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию д. и. н., проф. П. Б. Коновалова, г. Улан-Удэ, 4—6 декабря 2017 г.* Улан-Удэ, с. 103-108.
- Бейсенов, А. З., Исмагулова, А. О., Китов, Е. П., Китова, А. О. 2015. *Население Центрального Казахстана в I тыс. до н. э.* Алматы: Институт археологии.
- Бейсенов, А. З., Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. С., Дуйсенбай, Д. Б., Ахияров, И. К. 2017. Вихревые композиции в искусстве саков Казахстана. *Археология і давня історія України*, 2, с. 40-58.

Бейсенов, А. З., Ломан, В. Г. 2009. К проблеме сложения раннесакских поселенческих комплексов Центрального Казахстана. *Вестник Университета Кайнар*, 4, 2, с. 12-15.

Бейсенов, А. З., Минасян, Р. С. 2015. Зеркало из тасмолинского могильника Бирлик. *Вестник ДагНЦ РАН*, 58, с. 58-62.

Бейсенов, А. З., Шульга, П. И., Ломан, В. Г. 2017. *Поселения сакской эпохи.* Алматы: НИЦ истории и археологии Бегазы-Тасмола.

Бейсенов, А. З., Таиров, А. Д., Зайков, В. В., Блинов, И. А. 2011. Состав золотых изделий из могильника Талды 2. *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тезисы докладов.* Караганды, с. 21-25.

Бейсенов, А. З., Шаблавина, Е. А. 2015. Особенности литья предметов конского снаряжения тасмолинской культуры. *Вестник ТомГУ, История*, 4 (36), с. 105-112.

Бейсенов, А. З., Хаврин, С. В. 2015. Металлические изделия тасмолинских памятников Центрального Казахстана. *Известия СамНЦ РАН*, 17, 3 (2), с. 526-531.

Бруяко, И. В. 2005. *Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р. Х.).* Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Гречко, Д. С. 2016. От архаической Скифии к классической. *Археологія і давня історія України*, 2, с. 33-60.

Дараган, М. Н. 2015. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка. *Труды Государственного Эрмитажа*, 77, с. 127-170.

Ермолаева, А. С. 2015. *Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы — раннее железо).* Алматы: Институт археологии.

Кадырбаев, М. К. 1966а. Памятники тасмолинской культуры. В: Маргулан, А. Х., Акишев, К. А., Кадырбаев, М. К., Оразбаев, А. М. *Древняя культура Центрального Казахстана.* Алма-Ата: Наука, с. 303-433.

Кадырбаев, М. К. 1966б. С. С. Черников. Загадка золотого кургана. Москва, 1965. *Известия АН КазССР. Серия общественная*, 3, с. 79-82.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион).* Киев: Наукова думка.

Рябкова, Т. В. 2014. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. *Археологический ежегодник*, 4, с. 372-413.

Святко, С. В., Бейсенов, А. З. 2017. Первые изотопные данные о диете населения тасмолинской культуры. *Самарский научный вестник*, 6, 3 (20), с. 223-227.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента).* Киев: ИА НАНУ.

Beisenov, A. Z., Svyatko, S. V., Kassenalin, A. E., Zhambulatov, K. A., Duisenbai, D., Reimer, P. J. 2016. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period). *Radiocarbon*, 58, p. 179-191.

Tur, S. S., Svyatko, S. V., Beisenov, A. Z., Tishkin, A. A., 2016. An Exceptional Case of Healed Vertebral Wound with Trapped Bronze Arrowhead: Analysis of a 7th—6th c. BC Individual from Central Kazakhstan. *International Journal of Osteoarchaeology*, 26, p. 740-746.

REFERENCES

Alekseyev, A. Y. 2003. *Choronografiya Evropeiskoi Skifii VII—VI vv. do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitazh.

Alekseyev, A. Y., Bokovenko, N. A., Vasilev, S. S., Der-gachev, V. A., Zayceva, G. I., Kovalykh, N. N., Kuk, G., van der Pliht, I., Possnert, G., Semencov, A. A., Scott, E. M., Chugunov, K. V. 2005. *Evrasiya v skifskyyepohy: arheologicheskaya i radioyglyerodnaya chronologiya.* Sankt-Peterburg: Teza.

Beisenov, A. Z. 2014. Ser'gi saksksioi epohi. *Vestnik TomGU*, 6(32), s. 121-128.

Beisenov, A. Z. 2017a. Kurgani s «usami» Tsentral'nogo Kazahstana. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazahstana: izychenie i soxranenie. Sbornikstatei, posvyachennii 70-letiy Tsentral'no-Kazahstanaskoi arheologicheskoi ekspedicii.* Almati: NITs istorii i arheologii Begazi-Tasmola, 2, s. 31-37.

Beisenov, A. Z. 2017b. Tasmolinskaya kul'tura Saryarki. *Kazahstan v saksksyyepohy. Kollektivnaya monografiya.* Almati: Institut arheologii, s. 59-100.

Beisenov, A. Z. 2017c. Korgantasskie pogrebeniya v Tsentral'nom Kazahstane. In: Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (ed.). *Aktualnie voprosi arheologii i etnologii Tsentral'noi Azii: materialii II mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii, posvyachennoi 80-letiy d. i. n., prof. P. B. Konovalova, g. Ulan-Ude, 4—6 dekabrya 2017 g.* Ulan-Ude, s. 103-108.

Beisenov, A. Z., Ismagulova, A. O., Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2015. *Naselenie Tsentral'nogo Kazahstana v I tys. do n. e.* Almati: Institut arheologii.

Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Duisenbai, D. B., Akhiyarov, I. K. 2017. Vihreviekompozii v iskusstve sakov Kazahstana. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini*, 2, s. 40-58.

Beisenov, A. Z., Loman, V. G. 2009. K problem slojeniya rannesakskskih poselenchesskih kompleksov Tsentral'nogo Kazahstana. *Vestnik Universiteta Kainar*, 4, 2, s. 12-15.

Beisenov, A. Z., Minasyan, R. S. 2015. Zerkalo is tasmolinskogo mogil'nika Birluk. *Vestnik DagNTs RAN*, 58, s. 58-62.

Beisenov, A. Z., Shulga, P. I., Loman, V. G. 2017. *Poseleniya saksksioi epohi.* Almati: NITs istorii i arheologii Begazi-Tasmola.

Beisenov, A. Z., Tairov, A. D., Zaikov, V. V., Blinov, I. A. 2011. Sostav zolotih izdeliy iz mogil'nika Taldi 2. *Saksksaya kul'tura Sariarki v kontekste izycheniya etnosokul'turniy process stepnoi Evrazii: tezisi dokladov.* Karagandi, s. 21-25.

Beisenov, A. Z., Shablavina, E. A. 2015. Osobennosti lit'ya predmetov konskogo snyarajeniya tasmolinskoy kul'turi. *Vestnik TomGU, Istoriya*, 4 (36), s. 105-112.

Beisenov, A. Z., Havrin, S. V. 2015. Metallicheskie izdeliya tasmolinskikh pyamatnikov Tsentral'nogo Kazahstana. *Izvestiya SamNTs RAN*, 17, 3 (2), s. 526-531.

Bryako, I. V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope (X—V vv. do R. H.).* Kishinev: Vishaya antropologicheskaya shkola.

Grechko, D. S. 2016. Ot arhaicheskoy Skifii k khassicheskoi. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini*, 2, s. 33-60.

Daragan, M. N. 2015. Nakonechniki strel predskifskogo i ranneskskskogo vremeni: tehnologiya izgotovleniya, metrologiya i markirovka. *Trudi Gosudarstvennogo Ermitazha*, 77, s. 127-170.

Ermolayeva, A. S. 2015. *Pamyatniki predgornoi zoni Kazahskogo Altaya (epoha bronzi-ranee zhelezo).* Almati: Institut arheologii.

Kadyrbayev, M. K. 1966a. Pamyatniki tasmolinskoy kul'turi. In: Margulan, A. H., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevnaya kul'tura Tsentral'nogo Kazahstana*, Alma-Ata: Nauka, s. 303-433.

Kadyrbayev, M. K. 1966b. S. S. Chernikov. Zagadka zoloto kurgana. Moskva, 1965. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya obchestvennaya*, 3, s. 79-82.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoriy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epohi Dneprovskogo lesostepnogo Pravoberezh'ya (Kievo-Cherkasskii region).* Kiev: Naukova dumka.

Ryabkova, T. V. 2014. Kurgan 524 u s. Zhabotin v sisteme pamyatnikov perioda skifskoi arhaiki. *Arheologicheskii ezhegodnik*, 4, s. 372-413.

Svyatko, S. V., Beisenov, A. Z. 2017. Pervie izotopnie dannie o diete naseleniya tasmolinskoi kul'turi. *Samarskii nayechnii vestnik*, 6, 3 (20), s. 223-227.

Skoriy, S. A. 2003. *Skifi v Dneprovskoi Pravoberezhnoi lesostepi (problema videleniya iranskogo etnokul'turnogo elementa).* Kiev: IA NANU.

Beisenov, A. Z., Svyatko, S. V., Kassenalin, A. E., Zhambulatov, K. A., Duisenbai, D., Reimer, P. J. 2016. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantass Period). *Radiocarbon*, 58, p. 179-191.

Tur, S. S., Svyatko, S. V., Beisenov, A. Z., Tishkin, A. A., 2016. An Exceptional Case of Healed Vertebral Wound with Trapped Bronze Arrowhead: Analysis of a 7th—6th c. BC Individual from Central Kazakhstan. *International Journal of Osteoarchaeology*, 26, p. 740-746.

A. Z. Beisenov

TASMOLA MONUMENTS OF CENTRAL KAZAKHSTAN IN THE STUDIES OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

According to archaeological researches, in the early Saka period the steppe areas of Central, Northern Kazakhstan and the Southern Trans-Urals were inhabited by the tribes of the great Tasmola historical and cultural community. The tribes of Central Kazakhstan constitute the core of this community. For the first time, Tasmola archaeological culture was discovered and described by M. K. Kadyrbayev in 1966. Today a significant amount of new data has been gathered, which allows us to expand our understanding of the peculiarities of that culture. The article presents an overview of the main content of new studies and publishes data on radiocarbon analyses, first obtained from the monuments of Tasmola culture. More than 60 analyses from the monuments of the Early Iron Age of Central Kazakhstan were made by A. Z. Beisenov in the Kiev radiocarbon laboratory (Kiev, Ukraine), in the laboratories of the Royal University of Belfast, (Northern Ireland, Great Britain), the Russian State Pedagogical University (Sankt-Peterburg, Russia). The article contains data from 41 analyses on Tasmola culture and 6 analyses on the monuments of the Korgantass period. In Tasmolaseries 33 dates were obtained from 31 burials, 8 dates were obtained from 6 settlements. At the present stage of the research the origins of Tasmola culture can be attributed to the middle of the 8th century BC. During the late V — early IV centuries BC there is a change of cultures, there are few burial places of the Korgantass period in the region. The author believes that further studies are needed for more detailed internal periodization of Tasmola culture. Now we can say that numerous and most vivid monuments are common for the early stage of culture. All present researches are carried out in the eastern part of Central Kazakhstan.

Keywords: Tasmola culture, Central Kazakhstan, Korgantass period, radiocarbon analyses, burial, settlement, periodization.

Одержано 14.02.2018

БЕЙСЕНОВ Арман Зияденович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології ім. А. Х. Маргулана, пр. Достик, 44, м. Алмати, 050010, Казахстан, azbeisenov@mail.ru.

BEISENOV Arman Z., candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology named after A. H. Margulan, 44, Dostyk ave., Almaty, 050010, Kazakhstan, azbeisenov@mail.ru.